

ЖЕНСКАЯ РУКА

Повесть

ВЕТЕР БУШЕВАЛ среди скал, сметал отражения с листьев зеркальных кустов, терзал извечных мучеников — местные деревья. Некогда суровый ландшафт — вырвавшаяся к морю длинная скалистая гряда и вечнозеленые заросли — теперь был лишен своего естественного выражения из-за чуждых ему домов, что лепились к скалам так же упорно, как воск к больным ветвям апельсиновых деревьев. Не то чтобы дома эти, почти все, были неприятны на вид, в иные, хоть бы и в «Очаровательный приют», стоило вломиться. Владельцы, конечно же, сознавали это и, однако, выставили на показ за цельным зеркальным стеклом чуть не все свое достояние. Им явно хотелось любоваться открывающимся видом, но в конце концов, похоже, он стал их угнетать. Или прискучил. Владельцы очаровательных прибрежных домов сидели в своих отнюдь не монастырских обителях и играли в бридж, слизывали с пальцев шоколад, а в одной занимались любовью на широченной постели, покрытой розовым шенилем.

Ивлин Фезэкерли отвернулась. Во всяком случае, день, можно сказать, божественный. Она запыхалась, так быстро шел Хэрролд, да и воздух был пронзительно резкий.

— Шел бы помедленней, — предложила она, желая напомнить о себе. — Ты ж на пенсии.

Подобные замечания Хэрролд пропускал мимо ушей. В их браке такого предостаточно. И нет в этом ничего неприятного.

Быть может, оттого, что ему пришлось уйти на пенсию так неожиданно, так внезапно, в это с трудом верилось, и он искал спасения в постоянной смене мест, хотя было у них и свое пристанище — они снимали квартиру.

Ивлин опять покосилась на зеркальные окна теснящихся друг к другу домов. Слепящий свет, что заливал все вокруг, и физическая усталость от необязательной, но целительной прогулки всколыхнули в ней жаркую волну желания, какую могут вызвать лишь причины материальные.

— До чего вульгарно все это выглядит, — сказала она.

И ее сразу отпустило.

— Что плохого в роскоши?

Если голос Хэролда прозвучал устало, виной тому не усталость от прогулки — физически он по-прежнему в отличной форме, — но воспоминание о лепнине в новотюдорском стиле напротив их квартиры в новотюдорском стиле.

— Ну послушай! — сказала Ивлин. — Есть же определенные нормы, тот, кому они известны, не вправе ими пренебрегать.

Ивлин они были известны. И Хэролду тоже. Да только его не очень это заботило.

Опять он ломал голову все над той же загадкой — как ему, пенсионеру, теперь жить. Прежде он обычно говорил: когда уйду на пенсию, стану читать книги, которые купил и так и не прочел, перечитаю «Войну и мир» и, быть может, пойму Достоевского. Возможно, напишу что-нибудь сам, что-нибудь солидное, достоверное — о хлопке в Египте или путевые записки. Быть может, статью-другую для «Черного леса». Меж тем на пенсии все оказалось совсем иначе. Уж скорее это походило на затянувшееся ожидание мига какого-то откровения или свершения, не зависимое от книг, от чужих умов и лишь отчасти зависящее от самого себя.

Повезло ему, что есть Ивлин.

— По-твоему, эта дорога куда-нибудь ведет? — спросила она и улыбнулась окружающему их простору.

Хотя ее можно было ошибочно принять за женщину слабенькую и ей нравилось воображать, будто она нуждается в защите и опоре, была она скорее не хрупкая, а выносливая, жилистая. Правда, иной раз, когда подвергалась

испытанию ее чувствительность, у нее болела голова, но физической усталости она почти не знала. Ее беда в том, заявляла она, что она никак не найдет, чем занять свой неугомонный ум. Сидеть сложа руки она не способна. Пожалуй, следовало бы заняться благотворительностью, затеять что-нибудь вроде столовых на колесах. Она умеет разговаривать с пожилыми людьми, и такое испытываешь удовлетворение, видя по их старым лицам, что тебе признательны за совет.

— А почему бы ей не вести куда-нибудь? — спросил Хэролд.

— Прошу прощения?

— Я о дороге. Сегодня день загородной прогулки, верно?

— Да, — сказала она. — Такое у нас было намерение.

В закускойной, на шоссе, в саду с декоративными каменными горками, им подали отвратительный второй завтрак — обуглившиеся отбивные и зажаренный банан, сваленные вместе на лист салата-латука. После этого только и оставалось пойти по одной из боковых дорог.

Ивлин нарвала букетик трав и глубоко вдохнула их аромат, слишком глубоко, так что мгновенно перенеслась в ту пору, когда еще мало что понимала.

— Да, — сказала она, — нам повезло, о еде можно не беспокоиться. И о климате. Австралийский климат. Представляешь, окажись мы на месте Бердов. Заправляли бы этой жуткой станцией обслуживания. Не говоря ни о чем другом, в долине Темзы такая сырость.

Хэролд все шел упругим шагом, под ногами похрустывал песок. Ивлин ощущала приятный запах трубочного табака. Она предпочитала общество мужчин по той простой причине, что любила нравиться. Женщинам не нравилась ее прямота.

— Выходит, хорошо, что мы австралийцы, — сказала она.

Но опять кольнуло ощущение вины. И она уткнулась подбородком в букетик серебристых трав.

— Как по-твоему, Уин Берд и правда работает на этой их станции обслуживания? — спросила она как бы между прочим. — Заливает бензин в чужие машины?

— Если так она тебе написала.

— Иные женщины не слишком правдивы, — сказала Ивлин. — А Уин, сам знаешь, всегда была склонна все драматизировать. — Она сказала это со смешком, какой приберегала для тех, с чьими недостатками вынуждена была мириться.

Похоже, Хэролда это ничуть не трогает.

— Все равно, заливает она бензин или нет, просто думать об этом не могу, — продолжала Ивлин. — Уин и Дадли — на станции обслуживания!

Она скорбно сжала губы, словно беда эта приключилась с ней самой.

— Большинство попало в такой же переплет, — сказал Хэролд. — Большинство англичан... После Суэца.

— Но ведь Берды многое могли продать и купить, — возразила Ивлин. — Одна эта лестница, которую они вывезли из Италии, наверно, стоила больше всего, что было у других.

Она намеренно не включила в их число себя с Хэролдом.

— Ну до чего была прелестная лестница! — вздохнула она. — Розового мрамора.

Приглашенные поднимались по розовым ступеням, Берды встречали их наверху — одних с заученной сердечностью, других с иронией, замаскированной под тактичность. Ивлин, женщина неглупая, все это понимала и всегда радовалась, что над ней Уин и Дадли не иронизируют. Оттого что Хэролд управлял их делами в стране с населением неподходящего цвета кожи, она была, можно сказать, членом семьи Бердов.

Уин Берд получала наслаждение от приемов. Она не могла устоять против маскарадного костюма. Ее красивые длинные бедра и ноги были созданы, чтобы выставлять их напоказ, и она этим пользовалась. Взять хоть червонного валета из золотой парчи в год, когда Богач проявлял к ней

слишком горячий интерес. Несмотря на скандал, Уин, наверно, была безмерно довольна, что пренебрегла такой персоной. В то лето, когда Фезэкерли проводили свой затянувшийся отпуск в Австралии, Уин настояла, чтобы Ивлин взяла с собой червонного валета: он так пригодится на пароходе, а потом можно его кинуть за борт. Ивлин согласилась только потому, что не умела отказывать. Хотя, конечно же, она никогда не носила ничего такого вызывающего, уж не говоря непристойного, как никчемушная туника Уин. И во время плавания и после Ивлин с грустью думала о щедром подарке их работодательницы, стараясь при этом не вспоминать о своих всегда довольно тощих бедрах. Когда плавание закончилось, она костюм продала.

— Может, Уин и сумеет приноровиться к заправочной станции, — сказала она Хэролду. — Есть в ней эдакая жилка. Не то чтобы вульгарность. Грубоватость. Наверно, люди правду говорили.

— О чем?

— Да ты знаешь. Что была хористкой.

— Не помню, — сказал Хэролд, а она уверена, он помнит.

— Бедняжка Уин, сердце у нее золотое. Но до чего ж некрасива!

— Физиономия козья, а фигура — что тебе статуя. Не всякой женщине такое везенье.

— Ох, Хэролд, разве можно так!

— А что особенного? Иные мужчины равнодушны к козам и даже, говорят, к статуям.

— Ох, Хэролд, это ужасно! Это извращенность!

Но она была рада. Рада случаю произнести словечко из языка посвященных.

Дома преуспевающих владельцев, рассыпавшиеся по горной гряде, казалось, подпрыгнули, одобряя ее веселую умудренность. Но дома явно встречались все реже. Да к тому же из расщелины подул ветер, и ей стало холодно. Вспыхнувший было смех дрогнул и погас.

— Я очень надеюсь, войны не будет, — сказала Ивлин.

— С чего это ты вдруг?

— Из-за моих скромных капиталовложений, разумеется. Хороши бы мы были без них.

— В пиковом положении, как все прочие.

Спорить Ивлин была не готова. Что бы там Хэролд для себя ни решил, а она — не прочие.

Дорога превратилась в едва заметный рубец на песчанике по низу все не кончающегося кряжа.

— Вот видишь, я говорила, она заглохнет, — сказала Ивлин. — Кому взбредет в голову строиться на такой бесплодной земле, разве что совсем чокнутому.

Потом, на последнем всплеске исчезающей дороги, глазам представился исхлестанный непогодой дощатый домишко.

— Кто-то здесь все-таки поселился, — сказал Хэролд.

— Что? Здесь? В такой лачуге!

И вправду, деревянный домишко иначе как лачугой не назовешь. Он притулился прямо к скалистому утесу, и сработали его, видно, без намека на свободу и мастерство. Этот беззащитный плод неумелых усилий возбудил в Ивлин яростное презренье. А Хэролда непринужденность, что ощущалась в неуклюжих пропорциях, в кривой, хлипкой деревянной лестнице и открытой в сторону моря веранде, растрогала, пробудила тоску по чему-то, что никогда ему не давалось. Наверно, с таким же успехом можно увидеть в этом домике и лачугу или представить, как ворочаются на соломе большие мягкие звери или огромные шелковистые птицы созерцают океан из-за деревянных перекладин. Воображение часто его выручало, хотя жене он никогда бы в этом не признался.

Но тут действительность озадачила Хэролда Фезекерли.

На наружной наклонной лестнице возникла голова, лицо, широкие плечи заслонили крышу, дорогу, и человек заглянул в почтовый ящик, при этом явно не ожидая никаких писем.

А потом все с тем же выражением сомнения и надежды лицо неизвестного обратилось к путникам.

И тут Ивлин услышала, как ее муж не позвал — скорее проговорил растерянным, не своим голосом. Дико было слышать этот тонкий голос от такого Хэролда:

— Клем! Клем, ты? Даусон?

На красном, обветренном лице под жестким ежиком волос выразилось застенчивое признание. Ивлин пришла в ярость. Слишком много об этом человеке она знала наперед. Тугодумы вызывали в ней бешенство, почти такое же зримое, как кровь. О да, она знала!

Хэролд запинался от волнения:

— Ивлин, помнишь Клема?

И он обернулся к жене.

Пораженная, она увидела: он вдруг помолодел. Нет, спешить ей незачем.

— Клем Даусон?

Она могла бы гордиться своей неспособностью вспомнить.

— «Симла». «Непал», — подсказывал Хэролд.

И вот смутно, со вздохами она стала припоминать, позволила себе припомнить грузного инженера-механика на одном пассажирском пароходе, потом на другом. С тех пор солнце и ветер изрядно его подсушили. В те дни, в жаре и духоте машинного отделения, он был румяный, лоснящийся, точно сдобный пирог. Плотный. Позже, на берегу, она могла бы узнать его лучше, но ей это не удалось.

— А, да, конечно.

Независимо от своих чувств приходится соблюдать приличия, и Ивлин пустила в ход свои чары. Но корабельные механики всегда были ей не по вкусу. Начальники интендантской части в нынешние времена почти все народ компанейский, старшим помощником капитана иной раз можно и плениться, а механики, даже когда заказывают на всю компанию коктейль «Дама в белом», кажется, все равно пребывают в недрах корабля со своими двигателями, или как оно там называется.

— Вот, оказывается, где вы спрятались! — Ей хотелось, чтобы это прозвучало как милая шутка.

— Да, — сказал Даусон.

Он не пробовал оправдываться, хотя его крепко сбитое тело, опирающееся на шаткие перила, чуть подрагивало. Будто под ударами ветра, но от ветра он укрыт своим нелепым домом. Ивлин позволила себе представить, как в других обстоятельствах он почти так же стоял, держась за манговое дерево.

И потому, взглянув на него сейчас, сказала:

— Не припомню, сколько же прошло времени с тех пор, как мы взяли вас с собой в Дельту?

— Довольно много, — пробормотал Даусон, толстыми волосатыми пальцами перехватив перила.

Он казался еще топорнее из-за короткой стрижки, без сомнения, таким способом надеясь сделать менее заметной лысину. От этого глаза казались еще синее, лицо нелепей и незащищенной.

В сущности, все трое сейчас были обнажены друг перед другом, — в молчании застыли среди камней, точно статуи, не способные укрыться за словами.

Но вот Хэролд прервал неловкое молчание с той непосредственностью, которая сперва огорчила Ивлин, но она тут же решила, что это проявилась его истинно мужская наивность.

— Послушай, Клем, — сказал Хэролд, — не пора ли показать нам твое убежище? Полагаю, ты его сам строил.

Даусон засмеялся. Повернулся. Повесив голову, все еще привычно покачиваясь, зашагал по деревянным ступеням. Хоть он ни слова не сказал Хэролду, но, совершенно ясно, это и был его ответ.

Как он и ожидал, Фезэкерли последовали за ним.

— Но до чего *удобно!*

Еще не переступив порога, Ивлин избрала линию поведения. Так это просто. Так она это умеет. Обращаться с застенчивыми, навоящими скуку мужчинами.

— Неужели вы и *это* сделали сами! Этот хитроумный шкаф с вращающимися полками!

Даусон перехватил ее руку в перчатке, сжал крепко, до боли.

— Только пальцем, — предупредил он. — Довольно чуть тронуть.

Ивлин могла бы обидеться, но уж слишком пустячный был повод. И она просто прошла дальше.

— А это что? — спросила она. — Эта сюрреалистическая штуковина из проволоки?

— Одно из моих изобретений. Вынимать яйцо... автоматически, как только сварится.

— Но до чего занятно!

Или жалостно:

— Вот бы Хэролду хоть долю вашего таланта. Сейчас, когда мы остались не у дел, он только грозитя, что будет читать, да никак не раскачается.

Она взглянула на мужа, словно прося прощения за ранку, что ее угораздило ему нанести. Но он, кажется, ничего и не почувствовал. Мужчины много чего не замечают.

В кухне все как полагается. От гостиной она ждала большего, думала, там должна полнее ощущаться личность хозяина, ведь увидеть спальню надежды нет. Но гостиная разочаровала. Слишком здесь голо, слишком слепяще. Два кресла в чересчур тесных чехлах. Письменный стол, на нем два-три инструмента, которые ей вовсе не интересны, пузырьки с цветными чернилами, книга — похоже, словарь. Даже ни единой фотографии. Ивлин любила сравнивать фотографии с оригиналом, а еще того больше любила загодочные фотографии.

Но вот на уродливом желтом столике корзинка с шерстью. И на яйце для штопки натянут носок. Обманутая было надежда вновь вспыхнула.

Вскоре Даусон уже поил их чаем, как и следовало ожидать, очень крепко заваренным, в белых толстого фаянса чашках, в которых, едва чаю поубавилось, обнаружился по внутреннему краю коричневый ободок от танина. Хэролд сосредоточенно пригнулся к своей наклоненной чашке, по серым глазам, честностью которых Ивлин всегда гордилась, она с досадой увидела — он озадачен какой-то мыслью, никак не решится высказать ее вслух.

— Ну и чем же ты тут занимаешься?

Можно подумать, ему неловко обсуждать при жене такие сугубо личные дела.

Даусон теребил пучки волос на пальцах. Потом глубоко вздохнул и обратился на Хэролда взгляд пронзительно голубых глаз:

— Сажу и смотрю на море, — прямо ответил он.

Похоже, этот ответнисколько не удивил Хэролда, но Ивлин чуть не задохнулась от возмущения, будто услышала нечто непристойное.

— Но оно такое пустынное. Почти все время. Разве что пройдет какой-нибудь неинтересный корабль. Корабль только тогда интересен, когда сам на нем плывешь, — ухитрилась она проговорить.

Мужчины пропустили ее слова мимо ушей.

— Тебе повезло, что ты это умеешь, — продолжал Хэролд.

Будто Ивлин тут и не было.

Даусон засмеялся — словам Хэролда. Смех прозвучал неожиданно мягко.

— Не сказать, что это далось само собой. Поначалу.

— То-то и оно, — сказал Хэролд. — Но начало и есть самое трудное.

Потом Даусон подался вперед и спросил:

— А как стихи, ты ведь тогда писал?

Ивлин подняла голову.

— Стихи? — чуть не со страхом спросил Хэролд.

— В школе.

— А, да. В школе это было.

Ивлин слегка покачивалась на стуле.

— То было начало, — подсказал Даусон.

У Ивлин разболелась голова. Она, конечно, знала, давным-давно слышала, что Клем Даусон и Хэролд вместе учились в частной подготовительной школе. Голова — это от ветра, а может, от скуки, что всем своим существом источает хозяин дома.

— Подумай, ты помнишь про стихи, — сказал Хэролд и засмеялся. — А я забыл.

Он не забыл.

Хэролд Фезэкерли, долговязый мальчишка с торчащими ушами и вечно синими, потрескавшимися от холода руками, своими ни на что не похожими каракулями писал стихи и прочее на клочках бумаги и всегда трясся от страха, вдруг они разлетятся, попадут кому-нибудь на глаза, иди тогда объясняй, что это такое. А он не способен был объяснить и половины того, что у него получалось. Но в ту пору он не мог не писать. Позднее, когда он сумел разобраться в своих ощущениях, он понял: те подросточьи пробы пера были для него точно горячий душ в холодный день или мягкий стул в теплое утро. В то время его часто по нескольку дней мучили запоры. Стихи, казалось, утишали его страхи.

Всю зиму пронизывающий ветер истязал школу. Но летом, когда вновь появлялся дикий виноград, и лавровые деревья покрывались толстым слоем пыли, и от бурлящих писсуаров поднимался запах дезинфекции, жизнь буквально подавляла мальчишек своими возможностями.

Полно было сплетен. Хэролд Фезэкерли плохо в них разбирался. Они его пугали. Не хотел он, чтобы ему растолковывали, что к чему, избегал тех, кто готов был его просветить.

Клем Даусон был этакий молчаливый мальчишка, чуть постарше и много крепче Хэролда — толстые лодыжки выпирают из пестрых шерстяных носков, коленки вытарачивают из бриджей. Клем, вероятно, рано начал бриться. Держался по большей части особняком, но с одиночеством справлялся. Ни к чему и ни к кому не питал неприязни, хотя кто или что ему по вкусу, понять было трудно — разве что птичьи яйца, поджаренный хлеб и травка, которую можно пожевать. Станный он, вероятно, был, да и вправду странный, с таким за дверями школы и встречаться постесняешься.